

В.Р.Шмидт

Здравомыслие О.М. Мы уже задерживаемся. Но у нас есть еще одно небольшое выступление о молодежи - «О массовой культуре современной молодежи». Я предоставляю слово Виктории Шмидт – декану факультета социальной работы Московской высшей школы социально-экономических наук.

Шмидт В.Р. На самом деле, когда я слушала выступления, у меня рождалось много всяких добавлений к своему. Я хотела бы сказать, что по роду своей работы я учу не очень молодых людей, а достаточно взрослых, но тех, которые вынуждены меняться и которые оказываются в роли молодых специалистов. Будущая деятельность этих специалистов – де-институционализация детских домов, интернатов, помощь воспитанникам колоний.

Как вы понимаете, для того, чтобы специалистов расположить меняться и принимать новые технологии работы, и, что более важно, новые подходы, в том числе и к оценке эффективности своей деятельности, вообще перестраивать их, нужно прилагать значительные усилия и не всегда действовать в лоб. И одним из основных методов становится использование культурных практик: чтение, просмотр и обсуждение художественных книг и фильмов.

Занимаясь этим в течение пяти лет, я столкнулась с тем, что в моем арсенале практически исчезли образцы отечественной культуры. Если мне нужно, например, продемонстрировать, что есть гуманистический подход, я обращаюсь к европейским кино и литературе. Мне не к чему обратиться в отечественной массовой культуре: в прежней культуре это устаревшие образцы, а в новой трудно найти пример гуманистического отношения к тем, кто далек от общепринятых норм. Можно ли развивать практику профессиональной помощи, если в культуре для всех почти нет постановки проблемы помощи сиротам или заключенным, людям с особыми нуждами и пожилым?

Это как раз и располагало заняться анализом культуры. Я пришла к такому выводу: несмотря на то, что есть и самые парадные ценности, о которых сегодня очень много говорили, они сыграли злую шутку с нашей культурой, и массовая культура превратилась в пустую форму - перестала выполнять те функции, которые она выполняла в советский период и даже в период перестройки. Причем период перестройки я бы назвала взлетом массовой культуры, поскольку был вычерпан весь тот ресурс, который лежал на полках, который не давали в пользование народу в период застоя: от поэзии серебряного века до фильмов «Комиссар», «Тема», «Мой друг Иван Лапшин», утверждавших идеалы гуманизма, но привлекавшие внимания по большей части из-за запрета.

А когда создается что-то адекватное нуждам общества, например, в спектаклях «Современника», то не всегда этим явлениям дается интерпретация, располагающая к рефлексии, а не банальная оценка «нравится – не нравится», «берет за душу или нет»: а именно, что необходимы не парадные ценности, а отказ от таких ценностей и признание самоопределения в разных нишах социума.

Западная массовая культура сильно меняется под влиянием социальной рефлексии: у нас в то же время ничего в этом плане не создается. Можно указать на три функции массовой культуры. Во-первых, это пробуждение рефлексии, и обдумывание ранее запретного или далекого опыта. В качестве примера можно привести фильмы Ф. Озона, Т.Соландза, И. Сабо и книги Д. Пиннака, Б. Шлинка, Ф.Уэлдон, приобретшие популярность и в России, а значит, доступные и пользующиеся спросом.

Опыт преподавания студентам, опыт работы с сотрудниками колоний и детских домов убеждает в том, что когда ты смотришь с ними эти фильмы, читаешь книги и даешь какие-то подходы к интерпретации, то они получают от этого реального удовольствие, начинают время от времени этими правилами руководствоваться. Это, кстати, один из немногих способов реально изменить их профессиональное сознание, профессиональный подход.

Столь нужный критицизм рождается из ироничного отношения к прежним ценностям. Юмористическое отношение к традиционным ценностям и художественным приемам обыгрывается с большим умением: фильмы-пародии («Ромео и Джульетта», «Мулен Руж» Б. Лурмана), ренессанс анимации («Шрек», «Гарфилд»), подсмеиваясь над бродвейскими мюзиклами, на самом деле дают им вторую жизнь. У нас это воспринимается, скорее, как некий эпатаж, но не вовсе как нечто располагающее человека обдумать и, может быть, признать, что та базовая ценность, например, стабильность, иногда может сыграть злую шутку с человеком.

Найти аналог такого искусства в современной отечественной культуре очень трудно – иронии и юмора в отношении прежней культуры нашим книгам и фильмам не хватает.

Вторая функция массовой культуры, в которой нуждаются люди, - это гуманизм. И гуманизм не в смысле доброго отношения и принятия всех, а гуманизм как некое нейтральное отношение к тому, что принято осуждать безоговорочно. Некое понимание того, что нет однозначных оценок чего бы то ни было.

Я считаю, что даже в такой стране, как в США, это присутствует в культуре. Когда я хочу студентам показать, что есть гуманизм, то я им показываю фильм «Я Сэм» или я им показываю канадский фильм «Нашествие варваров». В нашей стране я могу найти только один фильм, который еще можно показывать и который не кажется безнадежно устаревшим, - это «Пацаны» В. Приемыхова. Для меня фильм «Водитель для Веры», показателен: гуманизм проявляется ровно в том, что ты имитируешь выстрел, но не стреляешь в человека, который, в общем-то, тебе ничего не сделал.

И даже этот гуманизм остается для нас роскошью, он не становится правилом жизни. Именно отчуждение от гуманизма участвует в превращении нас в черствых людей или, как здесь говорили, асоциальных индивидуалов, потому что мы настолько боимся ошибиться и стать предметом критики и непринятия со стороны общества, хотя мы уж такие индивидуалы, что мы не позволяем себе принимать ошибки и просчеты других людей. Если на уровне повседневной бытовой жизни это становится приемлемым, на уровне той профессии, в которой я нахожусь, социальной работы, и на уровне тех проектов, которыми я занимаюсь, это остается совершенно невозможным сделать.

Я сталкиваюсь с тем, что ко мне приходят специалисты, которые как люди к гуманизму не готовы, но которые оказываются втянутыми в деятельность, где они должны быть гуманистами, и давать им в руки гуманистические технологии бывает страшно.

Я хочу сказать, что на самом деле даже в воспитателе колонии вы можете пробудить гуманизм. Есть способы это сделать. Есть возможность работы с чувствами. Есть возможность пробуждать анти-дискриминационные установки и т.д. и т.д. Но после этого вы рискуете оставить его один на один с другим обществом – в котором подобные ценности неприменимы. И также с обществом, где нет той самой массовой культуры, где бы он мог найти какую-то минимальную поддержку своим новым способам действий и суждений.

Третья функция современной массовой культуры - протест. Мне кажется, что массовая культура Европы и массовая культура Соединенных Штатов Америки, тем более стран юго-востока, т.е. эти несколько волн китайского, корейского кино, которые захлестнули Европу и которые просто отодвинули на второй план какие-то достижения западных стран, убеждают в том, что там тоже эти процессы происходят. Протестное поведение считается приемлемым и необходимым. И опять-таки протестное поведение в нашей культуре практически отсутствует.

Я не хочу сказать, что культура должна формировать и выполнять функции пастыря, как здесь говорили о функции

интеллектуала. Пробудить – да. Быть ответственным в этом пробуждении – может быть, тоже. Но дать выбор остаться прежним или измениться.

Эта протестная функция в культуре, которая ярко представлена даже в том, что тонкие психологические авторы типа Яна Бэнкса или Фэй Уэлдон считают своим долгом подчеркнуть негативное отношение к либеральным реформам и найти такую форму подачи своего политического самоопределения, которая заставляет читателя не согласиться с ними, но начать об этом думать, опять-таки в нашей культуре абсолютно отсутствует.

Я не хочу сказать, что наличие элементов протестного поведения и обсуждения, осмысления протеста, неотгораживания от него спасает Европу от каких-то революционных потрясений и бунтов. Нет, оно не спасает, но Европе дает возможность уходить из этих бунтов с каким-то, видимо, новым опытом.

Этих трех функций мне не хватает: и как специалисту, и, больше, как человеку, который живет в этой стране. Но если обратиться к нашей массовой культуре – что в ней в избытке – это предписаний к действию и предписаний к чувствам, т.е. то, с чем я смириться не могу.

Я не знаю, смотрите ли вы время от времени наши фильмы, наши сериалы или читаете художественную литературу, в том числе художественную литературу, которая претендует на звание элитарной. В этой литературе можно находить примеры дискриминационных установок как в гендерном отношении, так и в отношении возраста, в отношении определенных профессий. В той же степени можно находить предписания и оценки каких-то практик, которые, с моей точки зрения, являются нейтральными и никакого оценивания не заслуживают.

Опять-таки хочу сказать, что мне не хватает отечественной культуры, потому что я понимаю, что все то, что делается там, на Востоке или на Западе, не может быть модифицировано в отличие от технологий социальной помощи или психологической терапии. Мы можем это смотреть, мы можем эту практику получать на время сопереживания и т.д., но мы не можем это втянуть в себя, мы «не одной крови».

Здесь возникает вопрос: что же должно быть первичным? Должны ли возникнуть какие-то профессиональные запросы на такую культуру, как это бывает, например, в США или должен возникнуть некий запрос общества и готовность общества к тому, чтобы эта массовая культура появилась.

Но я могу сказать о тех последствиях, к которым, как мне кажется, приведет это отсутствие или, скажем, нулевая бесконечность воспроизведения каких-то симулякров в этой массовой культуре, которая сейчас наблюдается у нас. Я думаю, что это приведет к тому, что мы потеряем весь тот предыдущий культурный опыт, потому что я не знаю, как присутствующие здесь, но я знаю, что молодое поколение все меньше и меньше смотрит старые фильмы и читает старые книги. Потому что к этому источнику можно обращаться тогда, когда появляется нечто новое. А когда что-то нового не появляется, когда преемственность не нарушается, а просто прежнее не с чем связывать, это старое, к сожалению, тоже сходит на нет.

Если говорить о том, что мы ожидаем исход интеллигенции через 15-20 лет, во многом это произойдет и потому, что приемлемой отечественной культуры так и не будет, а потребление лучших образцов культуры других стран уведет думающую часть общества в эти самые страны.

Так или иначе важно стараться делать что-то такое, чтобы создавать некий культурный фонд для себя. Потому что о последствиях мы можем судить гораздо точнее, чем о том, что и как можно изменить.

Здравомыслова О.М. Спасибо, Виктория. Замечательное последнее выступление, по-моему. Нам продемонстрирован выход из той пассивной безнадёжной стратегии, которая была заявлена как основная.

Никитский Л.В. Потрясающе интересное выступление. Я просто сейчас от лица «Новой газеты» и главного редактора Муратова требую, чтобы вы этот текст передали нам в газеты прямо сразу. Это очень интересно. Но у меня два вопроса. Первый вопрос такой. Означает ли то, что нет такого кино и такой литературы, что на них в обществе нет спроса? Чисто экономического. Не запроса социального, а спроса. Это первый вопрос.

И второй вопрос у меня такой. Меня очень озадачило и очень интересно ваше заявление, что массовая культура куда-то рассосалась. Но если это так, наверное, вы думали об этом и это исследовали. Что такое наша попса? Что такое русское радио и что такое русский детектив, чем все завалено? Что там внутри, если вы об этом думали?

Шмидт В.Р. Я об этом думала. Когда я текст передавала, я там даже прописала, как я это позиционирую. Мне кажется, что это симулякры. На самом деле, русский детектив порочит классический детектив на все сто процентов. Потому что жанр нарушается, как и жанр любой другой – поповый, который у нас есть. То есть найти примеры достойного воплощения такого чтения и развлечения очень сложно.

Никитский Л.В. (не слышно)...

Шмидт В.Р. Мне кажется, те детективы, которые я читала просто ради интереса, очень похожи на ток-шоу. Выбирается некая тема, выбирается некая ценность. Я не могу сказать, что это бесценное. Но то, как это преподносится, остается на уровне, скорее, высказывания разных точек зрения, не централизованных на самой проблеме, на ее прочувствовании. Все-таки это некий такой ..., просто разговор.

Женский голос. Акунин – массовая культура?

Шмидт В.Р. На мой взгляд, да. Мне кажется, Акунин как раз, как и Донцова. Конечно, по стилистике и по качеству какому-то, даже по театральным постановкам, Акунин производит более приятное впечатление, чем Донцова или Маринина. Но по эффекту, по выходу

Женский голос. Просто барышня не там искала...

Шмидт В.Р. В каком смысле? Я очень долго считала, что Людмила Улицкая – это классный пример. Но я не могу отнести Улицкую к массовой культуре, при всем желании. Нет, я просто как бы говорю, что я что-то не нашла. Я искала. Акунин, на мой взгляд, это симуляция литературы. Это моя точка зрения. Может быть, это бизнес?

Здравомыслова О.М. Давайте мы не будем превращать в перекрестный разговор.

Шмидт В.Р. Первый вопрос был самый классный по поводу спроса. Мне-то кажется, что люди будут это покупать.

Мужской голос. За какие деньги?

Шмидт В.Р. Да, и чего будет стоить это сделать, и за какие деньги это будут покупать. Это хороший вопрос. У меня на него нет ответа, но я знаю точно, что группа людей, которая в этом нуждается и которая готова будет платить деньги, существует.

Я выходила на сайты профессиональных сообществ и вела себя там достаточно провокативно. Разные сайты: социальных работников, психологов. Я нашла очень много сообществ, которые в конечном счете были готовы потреблять такую культуру, которые осознали спрос на нее.

Мужской голос (не слышно)....

Шмидт В.Р. Дилеммный такой вопрос, я на него не отвечу.

Мужской голос. У меня короткая реплика. Может быть, отчасти даже склонен ответить на ваш вопрос. Мне кажется, что у нас запрос общества – готово, в том числе, вкладывать деньги – связан прежде не столько с содержанием, сколько с

качеством. Скажем, последние российские фильмы, которые в прокате собрал большие деньги, независимо от месседжа, очень качественно сделаны. На уровне, которое раньше, скажем, кино не делало.

Мне кажется, тут ситуация не столько связанная с содержанием, сколько с качеством. Поэтому, сделав с теми же затратами фильм «9 рота» с гуманистическими ценностями, он бы тоже пошел с таким бы успехом.

И второй момент. Мне кажется, что есть еще одна проблема, которая на самом деле сказывается в основном на молодежи. Это отсутствие социализирующей литературы, т.е. литературы, которая адаптирует человека к обществу, в котором он живет. Если посмотреть прилавки в наших детских книжных, они завалены либо переводной литературой, либо литературой советского периода, которая в принципе очень хорошая, но готовит совершенно неадекватно к окружающему нас обществу. Мне кажется, что это тоже одна из таких проблем, которые перетекает потом в проблему, обозначенную докладчиком.

Шмидт В.Р. Скажу только про фильм «9 рота». Мне кажется, чтобы он был гуманистическим, их всех надо было в живых оставить и поместить обратно в то общество, откуда они ушли, и посмотреть, что с ними будет. Вот тогда бы этот фильм было бы сложно снять, хотя потребовались бы те же самые деньги. Потому что очень сложно в рамках наших существующих методов осознать, как это будет.

Женский голос. Вы меня извините, я пыталась к тем критериям, которые вы изложили, т.е. гуманистический мессидж в массовой культуре... Я стала находить довольно много книжек. Я не понимаю, почему они прошли мимо И опять же эти самые фильмы. Например, «Зеркало для героя». Хороший гуманистический фильм, прямо массовая культура. Та же самая Донцова, тот же самый Акунин, Пелевин. Они - все массовая культура и все гуманистические ценности. Может быть, у вас что-то другое идет по рангу гуманистических ценностей? Тогда надо было немножко объяснить. Просто возникла какая-то непонятность.

Шмидт В.Р. Я попробую сказать про Пелевина, потому что его я прочитала. Я не думаю, что это массовая культура, по моим критериям. Массовая культура – это культура, доступная любому. Может быть, в другой момент гуманистический мессидж – это нейтральность, когда тебе не важно, кто и что о тебе думает. Когда ты идешь своим путем, а человек идет своим путем и ты готов это принимать. То есть это не всеобщее добро, не всеобщее принятие. Вот такого мессиджа нет. А Донцова – это хороший разговор на кухне, может быть.

Причем самое главное, что от нашей массовой культуры люди перестают потреблять качественную западную массовую культуру. Я это знаю по людям в регионах. Когда они читают Донцову, они не будут читать Макбейна или не будут читать Рекса Стаута. Они будут читать Донцову. Они уже ей отравлены. На что-то более сложное они не могут повестись, на более стильное, содержательное, отражающее некую эпохальную когорту. То есть они не смогут это делать.

Мужской голос. Ольга Михайловна, можно задать вопрос, может быть, последний. Большое спасибо за очень интересный доклад. У меня такой вопрос: насколько могут сочетаться слова «массовый» и «культура»? Насколько это может совпадать? И еще вопрос касательно спроса: насколько культуру можно делать как продукт? То есть насколько можно содержание продавать? Не умирает ли живое существо, когда оно начинается как бы переводиться на рыночные основания и продаваться?

Шмидт В.Р. Я думаю, что массовая культура – это культура для всех, которая отражает и самые парадные ценности, которые должны регулировать нашу жизнь.

Есть элитарная культура (я согласна), которую очень сложно воспринимать. То есть просто она так останется элитарной культурой не для всех. И поэтому массовая культура – это продукт такой же, как идеология, такой же, как некие разделенные всеми чувства. Все слушают оперы Ллойда Вебера и всем они нравятся. Но в той или иной степени каждый в Вебере себе найдет что-то, потому что он поет о простых чувствах, доступным языком. И так, что это не стыдно сказать: я люблю Ллойда Вебера. Так вот она достойная массовая культура, которая как бы поднимает чувство собственного достоинства. Мне это так кажется.

Здравомыслие О.М. Спасибо. Вы знаете, мы совершенно сознательно решили поставить в качестве последнего доклада выступление о массовой культуре, потому что мы говорили о ценностях. И это логично. Я считаю, что все сюжеты, которые мы тут поставили и которые прозвучали в этих докладах, представили собой неожиданно настолько богатый спектр разных сторон нашей жизни, что этот вопрос, который был заявлен нами как главный, - российский человек в начале века или начало века – точка перелома, оказался слишком многогранным.

Я могу сказать о своем собственном впечатлении. Например, в качестве как бы одной фразы, как вывод. Мое впечатление состоит в том, что все-таки действительно оказывается Россия – странная страна, особенная, хотя мы все время пытаемся доказать, что она вошла в некоторую колею, что она стала сбалансированной, что она пережила некоторый цикл. И если она вошла в колею, то входит особенным образом.

Я думаю, что когда мы получим все тексты, которые здесь прозвучали, и их обязательно опубликуем, а мы это сделаем: их опубликуем сначала на сайте, потом мы сделаем наш сборник «Горбачевские чтения», это будет еще один повод подумать и поговорить об этом еще раз. Во всяком случае, богатство тем, которое было заявлено нашими выступающими и теми, кто делал какие-то интервенции, поражает. Спасибо вам большое. По-моему, это был очень интересный разговор. Приходите к нам еще.